Глава 372. «Мы съели мясо, а им остался бульон».

К сожалению, даже при всем своем военном мастерстве, недюжинном опыте и лидерских качествах, Гуаделио не мог привести в движение свою армию. Его подводило то, что он не приходился Северо-западной армии истинным командиром. Вот если бы Ругаард был здесь, возможно все складывалось бы иначе. Ведь Ругаард, руководя войсками методом кнута и пряника, добивался беспрекословного исполнения боевых приказов. Но Гуаделио был лишь одним из командиров, офицеров старшего командного состава. В его обязанности никогда не входило поддержание боевого духа солдат, ведь это с легкостью удавалось Ругаарду. Но сейчас, когда собственные конные отряды, солдат которых Гуаделио всех знал лично, увел на смерть Ругаард, Гуаделио досталась пехота, не уважавшая его. Мясо и вино для сдабривания воинов уже было на исходе. Со временем, метод подкупа собственного войска привел Гуаделио в ловушку, не правда ли? Хотя эти солдафоны и были бескультурными простолюдинами, но отнюдь не были дураками. Когда с каждым днем их жалование стало возрастать, они поняли, что дела у командного состава идут скверно. Кто же знал, что все эти коврижки приведут самих командиров в ловушку? На десятый день Гуаделио получил весть, из-за которой не мог уснуть всю ночь. Началось дезертирство! Дезертиров становилось больше и больше. В вечер того дня целый отряд пехоты коллективно бежал. Остальные воины, завидев их, расстреляли отряд из луков и силой вернули троих чудом выживших. Гуаделио отныне стал жесток и к своим воинам. Всех дезертиров он приказывал убивать на месте. Гуаделио беспокоился. «Ну все, оттягивать это больше нельзя. Завтра мы выступаем на штурм!»

«Возможно, победить их уже и не сможем, но так мы хотя бы потрепаем этих ублюдков! Если ждать дальше, в конце концов, мое войско распадется и нападет на меня самого». Гуаделио вышел из командирского шатра и приказал всему лагерю срочно принять пищу и готовиться к решающему бою. Но даже через два часа, к наступлению полудня, приказ начали выполнять далеко не все.

Двэйн вытянул руку вперед. И на этот раз он собирался отдать приказ о подготовке к бою! Солнце только что поднялось в зенит. Со стороны крепости Герцога Тюльпана раздался страшный гул, затем появилось то, что перепугало всех солдат Северо-западной армии. Со стороны крепости на них надвигались летательные аппараты. «Баллисты! Катапульты!» Раздавались крики в рядах Северо-западной армии. Отряды тут же рассредоточились. Вдруг недовольные солдаты обернулись и увидели Гуаделио с лицом, полным гнева и обиды «Ты спятил? Если бы это были баллисты, как они могли бы стрелять так далеко? Ты идиот!» Договорив, Гуаделио приказал отправить сто человек на захват этой вещи. Но, увидев вблизи эти летающие штуки, Гуаделио остолбенел.

Ведь это были доспехи! Доспехи наших воинов, окровавленные и измятые нагрудники воинов Северо-западной армии. Это были доспехи тех кавалеристов, что ушли вместе с Ругаардом. Двэйн решил зарядить их в баллисты и обстрелять нас ими. Чего он хотел добиться? Хочет показать нам, что Ругаарда и его людей постигла ужасная участь? Запугать нас? Многие солдаты и офицеры закричали «О нет! Это броня нашей кавалерии! Ты сумасшедший, Гуаделио! Это доспехи солдат Ругаарда! Их было семьдесят тысяч! Но люди этого Двэйна трусы! Как они одолели нашу кавалерию? У Двэйна столько сил? Идиот!».

В сердца воинов Гуаделио стал стремительно проникать страх. Раз он разбил семьдесят тысяч кавалеристов, должно быть и сам он обладает не меньшей мощью. Хоть Гуаделио и ухватил взглядом сотню тысяч воинов на стенах той крепости (что, в действительности, являлось войском Герцога Тюльпана и войском Дома Роулинг), но ведь это все зеленые новобранцы, да и не было их семьдесят тысяч. Как они одолели самого Ругаарда? «Двэйн, ты прост как крестьянский мальчишка. Ты думаешь, что пара смятых нагрудников испугают меня?»

Гуаделио разразился смехом. Но, вскоре смех его утих. Ведь вместе с десятками и сотнями фрагментами доспехов вскоре с неба стали сыпаться живые военнопленные! Стоя на крепостной башне, Двэйн взмахнул рукой. Ворота крепости открылись, и навстречу отрядам пехоты Гуаделио двинулись пятьсот кавалеристов Двэйна. Доскакав до середины поля битвы, всадники бросили доспехи на землю и припустили обратно. И тут Гуаделио рассмотрел все доспехи, лежащие на поле.

«Неужели Ругаард разбит? Нет! Не может быть! Этот Двэйн все подстроил! Купил доспехи на свои деньги… это же очевидно!»

Но тем, что окончательно подкосило боевой дух Гуаделио, был момент, когда врата крепости вновь открылись и оттуда выбежала сотня избитых и запуганных военнопленных. В них Гуаделио узнал кавалеристов Ругаарда… сзади их гнали хлыстами солдаты Герцога Тюльпана. Гуаделио обуяла злость. Он отдал приказ застрельщикам стрелять и перебить всех, в том числе и пленных кавалеристов. Но когда он обернулся и взглянул на собственное войско, то узрел то, чего боялся больше всего: воины были запуганы, в их глазах не было воли к победе. И все, что он мог сделать – это отдать приказ встать в боевой порядок, не принимать пленных. Гуаделио тяжело вздохнул. Он знал, что его приказ ничего не изменит. Его воля была парализована. В это время, Двэйн взошел на самую высокую из башен в полном боевом облачении, и, использовав магический круг вокруг себя, стал говорить. Из-за магического круга его голос громом раздавался на всем поле боя.

«Гуаделио!!! Я одолел вашу конницу, Семидесятитысячное войско не выстояло против меня! Ваш конец пришел, командиры Северо-западной армии. Если вам дороги жизни ваших воинов, сейчас у вас есть последний шанс сложить оружие и спасти свою жизнь. Я говорю от имени Двэйна Герцога Тюльпана, что все сложившие оружие будут жить!»

К этому моменту, военнопленные уже достигли лагеря Гуаделио. Солдаты были в панике, войско Гуаделио было готово бежать прочь. Пришедших военнопленных окружили со всех сторон, никакие запреты не остановили панику в лагере, которую удалось подавить, применив силу, но в сердце каждого воина закрадывался страх. Неужели Ругаард был побит… Семьдесят тысяч трупов… В ту же ночь вновь началось бегство солдат из лагеря. Но Гуаделио отныне не стремился остановить их. Он знал, что ситуация вышла из-под контроля. На следующий день Гуаделио проводил перекличку среди оставшихся в лагере, он не досчитался и тысячи человек! В глазах собственных подчиненных Гуаделио видел скрытый гнев и возмущение. Как ни странно, в тот день Двэйн и Имперская гвардия так и не перешли в наступление. И тут Гуаделио понял, насколько легко переиграл его Двэйн. Разбив конницу Ругаарда и разослав эту весть пехоте Гуаделио, Двэйн попросту лишил противника самого важного – боевого духа. Сейчас этот парень уже и сражаться, вероятно, не намерен, ведь победа уже одержана. Стоит подождать еще пару дней, и остатки Северо-западной армии развеются как карточный домик.

«Развалить вражескую армию изнутри, так вот оно как!» Несколько дней назад Двэйн не на шутку разочаровал своих солдат, заявив, что битвы не будет.

«Правда, битвы не будет?» спросил Роберт «Все доспехи были выброшены, а пленные выгнаны пару дней назад, их боевой дух пал окончательно, нам остается лишь выйти на поле битвы и прикончить их… такая возможность… почему Вы…»

Двэйн, молча, покачал головой в знак отрицания. Стоявший рядом генерал Лонгботтом тоже нахмурился «Господин, чего нам еще ждать? Зачем медлить? Нужна пара тысяч моих кавалеристов и мы с легкостью вырежем их».

Двэйн посмотрел на Лонгботтома и , усмехнувшись, ответил «Лонгботтом, друг мой, ты ведь уже некогда вкусил горечь имперской службы, неужто ничему так и не научился?» Двэйн встал с кресла, подошел к окну и, указав вдаль, промолвил «Разве вы не видите, Ураганная армия и имперский корпус, а также армия Бохана уже близко, всего около ста тысяч воинов, но мы уже уничтожили главную силу Северо-западной армии – ее кавалерийский корпус во главе с Ругаардом. Невозможно не заметить такой грандиозной военной победы! Сколько лет мы уже не вели масштабных войн? Подумай, те, кто сейчас идут сюда, верно надеются добыть здесь боевую славу! Но это нелицеприятное высказывание как нельзя красочно опишет эту ситуацию: «мы съели мясо, им остался бульон!» съесть все одним… хаха, ты ведь не хочешь оскорбить наших друзей?» собеседники Двэйна обменялись растерянными взглядами. «С каких это пор наш господин боится оскорблять кого-либо?»

«Раз уж мы воюем вместе, стоит предоставить и им какие-то выгоды, иначе нас будут ненавидеть. И рано или поздно нам вернется маятником наша недальновидность. Дак зачем нам добивать эти пятьдесят тысяч оставшихся в живых солдат Северо-западной армии?» - ответил Двэйн.

http://tl.rulate.ru/book/96724/213865